

Родился в Краславе (Латвия). До 1972 года жил в Резекне. Окончив Псковский педагогический институт, работал учителем в сельских школах Псковской области. Самостоятельно изучал язык фарси и составил сборник избранных переводов великих персидских поэтов. Печатался в псковских газетах, был одним из видных авторов псковского андерграунда 1980-х. Активно участвовал как автор и соредактор в самиздатском альманахе «Майя» (первый номер издан в США). Трагически погиб 28 апреля 1990 года в Даугавпилсе. В 1993 году в журнале «Русская провинция» появилась статья Валентина Курбатова о поэзии Евгения Шешолина. В 1999-м друзья поэта издали в Пскове сборник Шешолина «Измарагд со дна Великой». Второй сборник «Солнце не вечное» вышел в 2005 году в латышском городе Резекне. В том же году Даугавпилский университет издал сборник статей и воспоминаний «Евгений Шешолин: судьба и творчество».

КУЛЬТУРНЫЙ ТАЙНЫЙ СЛОЙ

★ ★ ★

Маленьким, хрупким, рассыпчатым тело
стало казаться моей голове;
может быть, солнце декабрьское село,
может быть, гном заблудился в Москве.

Может быть, бродит в снегу по колени
по бездорожью слепой лилипут,
может быть, слишком крутые ступени
в это холодное небо ведут.

Снег Бробдингнега, о, снег Бробдингнега!
Что-то я вынес и что-то сберёг:
горстку горячего, синего снега,
связку промёрзших коляных дорог.

Таёт головкою спичечной вера,
и закатилось колечко в траве...
Сон Гулливера, сон Гулливера:
звёзды растаяли на голове!

* * *

Мы ничего не понимаем,
но мы предчувствуем во сне...
Проснуться бы зелёным маем
зелёной шишкой на сосне

в глухом лесу. Иль безымянным
притоком северной реки, —
бежать навстречу по медвяным
полям: травы, ручейки.

Проснуться соловьём на стройке
заброшенной, — в своих кустах,
со вкусом солнечной настойки,
со сладким зудом на устах.

Вон там берёза, — что за слово?! —
стоит, как будто человек,

не помня века золотого,
под дождичком слепым, в четверг.

И нежный августовский вечер
с далёким звоном в голове,
и растворяется кузнечик
в захолонувшейся траве.

И осень налетит Мамаем,
и всё расскажет о весне...
Мы ничего не понимаем,
но мы предчувствуем во сне.

* * *

Молодой забываясь травой,
всё прошло, и не знаю цены;
словно с гуся холодной водой,
словно рушатся хрупкие сны.

А подумаешь, вспомнишь: всерьёз
ударяет по пальцам мороз,
и ты должен узнать городок
на скрещеньи ветров и дорог.

Что там делают люди? Как знать!
Но не всем же глазеть и скакать!
И дано десять блочных домов,
облик чей так практично суров.

Мне запомнился жёлтый вокзал,
как театр замедленных сцен,
и мучительно плавать глазам
вдоль безродных, неверящих стен.

Да ещё паровозный гудок
потерялся, — кричи-не кричи, —
на одной из осенних дорог
где-то в северной серой ночи.

ПО СТАРЫМ УЛИЦАМ

I.

Классических поэм сюжеты неизбитны,
на старых площадях печалиться легко,
но где-то я иду оббитым лабиринтом,
вдоль выщербленных стен неровным плитняком.

Растёт на крыше куст, летит басок скандальный,
вся улица вперёд на много лет видна,
и под один мотив, — простой, сентиментальный, —
проходит чья-то жизнь улыбкой из окна.

Вот здесь он, — помните? — тогда остановился,
и закружился сладкий солнечный сюжет...
Решился подойти... Напротив он родился,
и умер через дом, спустя немного лет.

Летучей мышью змей дрожит над домом робко,
проходу просто нет от жирных голубей,
и мальчик-декадент у стен родной коробки
пустил цветную стаю мыльных пузырей.

Ирония груба, все истины банальны.
И в поле выходить, и жить любить могли.
Быть может, лишь один мотив сентиментальный
останется кружить по тупикам земли...

II.

А за чердачным пыльным маленьким оконцем
сквозь много передряг, обычно по ночам,
итожились века, и утром било солнце
сквозь пятна на стекле по высохшим щёкам.

Мы плыли по подземным голубым каналам
сквозь синий полумрак вдоль берегов, где рос
густой ворсистый мох; вокруг белели скалы;
пульсировал во сне тревожный, нежный мозг.

Мы выбирали жизнь, как выбирают шапку,
и как зверей себя насмешливо пасли;
как щупает паук поверхность тонкой лапкой,
двоились в глубь души, — пугались и росли.

И как всегда, в конце входил кочевник рослый, —
покорный до конца, здоровый и прямой...
Лишь кажется, что жить необычайно просто,
а под тобой растёт культурный тайный слой.

Я тело пронесу любимым переулком
отверженных жрецов, я сделаю лицо
обычным, я пройду спокойно мимо гулко
шагающих в строю румяных мертвецов,

я к другу, я метнусь, — меня могли заметить, —
к окошку, через двор, на жёлтый тайный свет...
Метнется кошкою навстречу чёрный ветер,
неровный нервный дождь зализывает след.

ТОВАРНЫЙ

Вот на ночи настоялась открытка:
пригород, лето средних широт...
(Синий кружочек, красная нитка;
синий кружочек в тумане зашит.)

Вижу, как быстро растёшь ты, великий,
только с вопросом «куда?» — не лады...
Я ли не знаю твоей земляники —
крупной, кровавой и горькой, как дым?!

Я ли забуду волнующий запах?..
Бей, колесо, в две басовых струны!
Гей, балалайка в мозолистых лапах
странной и страшной родной страны!

Сходятся, сходятся, сходятся рельсы,
острая точка скользит впереди...
Ты уж тогда поточнее прицелься!..
Сходятся рельсы в холодной груди.

Проклята шаткая шутка такая,
штуками проклята кем-то за так,
катятся кости, строка затекает,
и подтекает заката плакат.

Катится время, и горка поката;
сбыта товарка, товар заголён...
Волк вам тамбовский товарищ, ребята,
имя которому — век, легион!

Корень мой вырван, несётся мой табор,
в сердце моём продолжается ось;

я зацеплюсь за подножку, и тамбур —
брат всестороннему ветру насквозь!

Ты не загадка, но я разгадаю!
Зря ли мои непокорны вихры?!
Я пролетаю лесами Валдая
просекой в небо с высокой горы.

НОЧНЫЕ ОБЛАКА

С чем я сравню? — Таких ночей немного! —
Как замерли ночные облака!..
Какая привела меня дорога,
так и напишет чуткая рука:

давно мои надежды нелюдимы,
и ни письма, ни дорогих гостей;
мне кажется, нагнало за день льдины
с холодных, безответных областей.

И вот меня туман уже окутал,
и новые сомненья поползли...
Мне вспомнился огромный светлый купол
весь в трещинах от центра до земли.

А где-то за холодной снежной пылью
дорога далека и глубока...
И в воздухе крутом, расправив крылья,
парят, не выдыхая, облака.

врачу Г.

...День вытащился, как заноза.
Когда соседи все уснули,
я пью воспоминаний дозу,
как разноцветные пилюли.

...Не всё рассчитано на небе:
ошибок много очень грубых!
Где Ваш большой янтарный гребень?
Где платье длинное в раструбах?

Вам бы пошёл средневековый
высокий скандинавский замок;
в камина отблесках багровых —
портреты предков в строгих рамках.

Но властность всё же просочилась;
природу никуда не спрячет
природа, — столько Вам на милость
душ, словно нанялись батрачить!

Когда в привычной Вашей власти
замызганные чьи-то судьбы,
брести кому-то сквозь ненастье
в груди и думать: «Хоть уснуть бы!

Я отлетаю вместе с годом...
Он кончится в храпящей спальней...
Ну, протащусь сквозь непогоду,
и всё равно исход — летальный».

Год сыплет жёлтыми листьями
в растерянности перед бездной,
и ветер ветками листает
историю его болезни.

* * *

Цветы такие же, — пониже
нагнись; а в детстве были ближе;
и те же муравьи снуют,
и точен запах позабытый,
и по настурции умытой
жуки из памяти бегут.

И вовсе ты не изменился,
и ничему не научился,
и раньше, чем родился, знал:
вон та травинка воплощенья
ждала столетья, как прощенья.
А вот и жук с неё упал.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНГРАДЕ

Тот тёмный дом, нетронутый войной,
я вижу, как за рамою двойной.

И медный конь, так благородно ржавый,
и объясненья первые с державой.

И цветники парадных незабытые,
и ангелы взмывают недобитые.

И синей паутинкой рвётся след
моих болгарских сладких сигарет.